А.М. Митрофанов, Ж. Олливье-Шахновская
Институт всеобщей истории РАН, Россия,
Аквитанский Центр новой и новейшей истории, Франция

Образ России в прессе революционной Франции 1789–1792 годов
(на примере газеты «Монитёр»)

Интерес к России, столь характерный для европейских мыслителей и литераторов века Просвещения, в период революционного десятилетия во Франции не только не исчез, но и приобрел новые оттенки. Конец XVIII столетия, ознаменовавшийся революцией во Франции и длительными военными конфликтами, стал временем, когда на основе существовавших национальных стереотипов в разных европейских странах начал формироваться новый образ России, образ страны, которая активно и успешно реализовывала свои внешнеполитические планы в Европе[1]. Сохранявшаяся культурная гегемония Франции и французского языка в Европе обуславливала процесс восприятия России, так сказать, с «французской» точки зрения. События 1789 г. обострили идеологические дискуссии относительно России: монархисты воскрешали «философский мираж»[2], а сторонники республиканского устройства изображали Россию мрачными красками, поскольку видели в ней воплощение Старого порядка[3].

В атмосфере первых месяцев революции просветительские представления об идеальном государе и совершенном правлении приобрели новое звучание. Проводили параллель между Людовиком XVI и российским царем Петром I. Вот что писал, например, драматург Жан-Николя Буйи во введении к своей необычайно популярной в то время комедии «Петр Великий»: «Пораженный и восхищенный зрелищем возрождения Франции, я попытался найти в истории событие, которое имело бы к нему какое-то отношение и которое я мог бы представить на сцене. Я

Андрей Александрович Митрофанов, *аспирант Государственного университета гуманитарных наук Института всеобщей истории РАН (г. Москва).*

Жюли Олливье-Шахновская, *профессор агреже истории, докторант Аквитанского Центра новой и новейшей истории, лауреат гранта Лавуазье Министерства иностранных дел Франции.*

[1] О формировании нового образа России в конце в. *см.: Летчфорд С.Е.* Французская революция конца XVIII в. и формирование образа России в общественном мнении Франции // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 77–84; *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII в. о Петре I. 2-е изд. испр. и доп. Саратов, 2003. С. 161–183; *Cadot M.* Le Voyage en Russie du citoyen Chantreau // L'ours et le coq. Essais en l'honneur de M. Cadot réunis par F.-D. Liechtenhan. P., 2000. P. 55–66; *Строев А.Ф.* Россия глазами французов XVIII — начала XIX вв. // Логос. 1999. №8; *Mohrenschildt D.S., von.* Russia in the intellectual life of eighteenth-century France. N.Y., 1936; *Narocnickij A.L., Karkovski H.* La révolution française et la Russie. P., 1989.

[2] *Lortholary A.* Le mirage russe en France au XVIII-ème siècle. P., 1951; *Karp S., Wolff L.* Le mirage russe au XVIII-ème siècle. P., 2001.

[3] *См.: Лиштенан Ф.-Д.* Русская церковь XVIII в. глазами западных наблюдателей: политический и философский аспекты // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 73–75; *Chakhnovskaia J.* La religion orthodoxe vue par les voyageurs francais en Russie sous Catherine II // Agostino, Cadilhon, Loupes, Fastes et ceremonies. L'expression de la vie religieuse, XVI–XX-eme siecles. Bordeaux, 2003.

узнал, что в России Петр Великий пренебрег блеском и радостями трона, дабы безраздельно посвятить себя благоденствию своих народов, подобно тому, как ныне Людовик XVI посвящает себя благоденствию французов. Скопище варваров, лишенных нравственных правил, моральных устоев, дарований, Петр Алексеевич преобразовал в общество людей мыслящих и просвещенных; призвав французов к участию в управлении королевством, Людовик сделал из них народ, обладающий всей полнотой власти, а сам стал его ангелом-хранителем...»[4].

Впрочем, сколь бы ни была велика во Франции популярность театра, гораздо большее значение для формирования образа России в глазах французов имела периодическая печать, переживавшая в годы революции небывалый подъем. В этой статье, не претендуя на широкие обобщения, я хочу исследовать отражение образа России во французской печати первых лет революции — с 1789 по 1792 — на примере самой влиятельной тогда газеты «Монитёр» (Moniteur Universel), основанной знаменитым издателем Шарлем-Жозефом Панкуком.

Материалы «Монитёр» интересны тем чувством умеренности и такта, с которым эта газета относилась к самой разнообразной информации, в отличие от политизированных газет, издававшихся сторонниками или противниками революции[5]. Без сомнения, эта беспристрастность приносила «Монитёр» безраздельный успех, что быстро вынудило газету стать неким подобием официального издания, которое копировали другие национальные и провинциальные газеты[6].

Пресса революционной эпохи радикально отличалась от прессы дореволюционной. В первую очередь это касалось зарубежных известий. Почерпнуть какие-либо конкретные сведения о России из французской печати середины XVIII в. было затруднительно. В периодических изданиях появлялись короткие сведения о военных операциях вперемежку с рассказами о придворных празднествах, но речь во всех заметках шла исключительно о государях; о жизни российского общества не говорилось ни слова. В 1740–1760-е гг. вести из России стали появляться чаще, но имели сугубо официозный характер: газеты публиковали то, что считал возможным придать огласке русский двор. Если верить таким сообщениям, Российская империя представляла собой страну вполне просвещенную, в ней царил порядок, а власть пользовалась доверием у населения[7].

События революции никоим образом не ослабили интереса французской читающей публики к международным делам, и в ноябре 1789 г. в «Монитёр» появился раздел «Политика», где публиковались новости из-за рубежа, в частности о русско-турецкой и русско-шведской войнах. Помимо специальных статей о Турции и России такие сообщения появлялись и в разделах о Германии, Польше и, реже, о Швеции. Статьи с вестями из других стран размещались на первой и второй полосе по определенному принципу: сначала излагались новости, пришедшие из отдаленных частей света (Индии, Америки, колоний, России), а затем — из более близких стран (Англии, Германии, Италии и др.)[8]. Информация распределялась по разделам в зависимости от ее источника: так, письма из Вены о сражениях русских с турками публиковались в статье «Германия».

---

[4] Цит. по: *Заборов П.Р.* Русская тема во французской драматургии революционных лет («Петр Великий» Ж.-Н. Буйи) // Великая Французская революция и русская литература. Л., 1990. С. 96.

[5] Histoire générale de la presse française / [Ed.] Bellanger. T. 1: Des origines à 1814. P., 1969. P. 441; 488–489.

[6] *Bertaud J.-P.* C'était dans le Journal pendant la Révolution Française. P., 1988. P. 12.

[7] *Лиштенан Ф.-Д.* Миф о России, или Философический взгляд на вещи // Пинакотека. 2001. №13–14. С. 38.

[8] Иногда, но довольно редко, этот принцип нарушался. Любопытнее выглядит то, что изредка появлялись статьи не о государствах (Англия, Испания, Польша, Швеция, Соединенные Штаты Америки, Россия и др.), а о территориях, которые на тот момент собственной государственностью не обладали, являясь историко-культурными областями, подчас принадлежавшими нескольким монархиям: Европейская Турция, Белоруссия, Украина.

Новости часто представляли собой извлечения из переписки. В этом смысле газета «Монитёр» выступает наследницей традиций середины XVIII в., когда преобладала условно-эпистолярная форма подачи материала[9]. Редакторы «Монитёр» пользовались как собственными источниками информации о России, так и перепечатывали статьи из зарубежных газет. Следует отметить, что хотя круг авторов газетных статей и был весьма ограничен, того же нельзя сказать о числе корреспондентов, поставлявших информацию из-за рубежа. Необходимо признать, что сегодня мы можем только приблизительно очертить их круг. Кроме частной корреспонденции (по большей части это письма коммерсантов) редакторы «Монитёр» использовали для подготовки своих статей также материалы официальной дипломатической переписки, полученные от революционных властей. В любом случае очевидно, что авторство большинства статей по внешнеполитическим вопросам принадлежало людям, которые имели доступ к конфиденциальным документам и очень хорошо были осведомлены о внешней политике Франции и России. Все эти сведения направлялись по обычной почте, и, конечно, они зависели от общих условий передвижения по Европе. Россия была очень далека, дороги часто бывали перерезаны военными конфликтами, и новости не всегда были свежими. Требовалось от одного месяца до пяти недель, чтобы посланное из России письмо оказалось опубликованным в «Монитёр»!

Среди событий международной жизни особое внимание «Монитёр» уделяла тому, что происходило на востоке Европы. Большая часть зарубежной корреспонденции за 1791—1795 гг. была посвящена Польше: начиная с принятия ею Конституции 3 мая 1791 г. и до третьего раздела Речи Посполитой. Немногим меньше журналистов интересовали интриги в султанском дворце, поэтому и Турция не сходила с первых полос газеты. Ну а поскольку «турецкие» и «польские» новости были непосредственно связаны с русской темой, то при изучении образа России им приходится уделять ничуть не меньше внимания, нежели корреспонденциям собственно из Петербурга. Нужно выделить также заметки социального и экономического содержания, в которых шла речь о России[10]. Добрую часть всех заметок и статей о России составляют именно сведения о мирной жизни, климате, науках, русском обществе, о видных государственных персонах и некоторых известных иностранцах, состоявших на русской службе.

* * *

Высокий интерес к русско-турецкой войне во французском обществе объяснялся целым комплексом причин. В общественном мнении XVIII в. существовало представление о том, что российская культура многое переняла от своих азиатских соседей. Неудивительно, что Россию и Османскую империю часто рассматривали в сравнении. Французские философы старались приписать России цивилизующую роль по отношению к мусульманским народам на юге и видели ее в качестве последнего бастиона Европы против угрозы, исходившей из Азии[11]. Напротив, французское правительство рассматривало Турцию как важную составную часть «восточного барьера», имеющего целью воспрепятствовать продвижению России в Европу, и в споре двух империй оказывало поддержку Стамбулу[12].

---

[9] *См.: Фейель Ж.* Газеты // Мир Просвещения. М., 2003. С. 326—334.

[10] Например, упоминается пожар в Санкт-Петербурге *см.*: Moniteur. P., 1790. №196. Jeudi 15 juillet; покрытие Невы льдом и вскрытие льда на реке, *см.*: Moniteur. P., 1790. №5. Mardi 5 janvier; P., 1790. №156. Samedi 5 juin; открытия Беринга *см.*: Moniteur. P., 1790. №231. Jeudi 19 août. Все эти незначительные новости показывают Российскую империю как очень далекую страну с неприветливым климатом и нравами.

[11] *См.: Нойманн И.* Использование «другого»: Образы востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 117—119.

[12] Подробнее *см.: Черкасов П.П.* Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII в., 1700—1775. М., 1995. Гл. 8; *Он же.* Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения: 1774—1792. 2-е изд. М., 2004. Гл. 6.

В годы революции газета «Монитёр» также уделяла большое внимание состоянию дел в Турции. Поражения турок на суше и на море вызывали сочувствие к проигравшим: «Унижение турок — это, быть может, позор всей Европы, — писала «Монитёр» 27 декабря 1789 г. — Неудачи этой нации вызваны не отсутствием храбрости: она также способна одерживать победы, как и любая другая. Разве не каждая нация переживает эпохи, когда она занимает доминирующее положение и торжествует победу? Какая из европейских стран, будучи ограничена в своих собственных силах, способна противостоять грозному альянсу двух императорских (*Петербурга и Вены.* — **А.М.**) дворов? Все союзники Порты сразу же ее покинули.... Однако эта война — самая несправедливая из войн нашего века — может способствовать торжеству человеческого разума, ибо одновременно дает великие уроки и правителям, и государям»[13].

Само течение войны освещалось довольно однообразно, перемежаясь с описаниями дипломатических интриг и бесконечными слухами о готовящемся мирном договоре.

На этом фоне необычно выглядели новости об иностранцах, оказавшихся по воле случая на русской службе. Французские офицеры, которые сражались на стороне России против Османской империи, были довольно многочисленны, а сама война с турками казалась им своеобразным крестовым походом против «неверных». Людовик XVI многим французским офицерам не разрешил отправиться в Россию, вероятно, желая сохранить нейтралитет и, в каком-то смысле, отвечая тревогам Екатерины II, которая считала французов настроенными протурецки и очень опасалась шпионов[14]. Несмотря на этот запрет с обеих сторон, граф Сегюр говорит о «многих французских офицерах, переодевшихся коммерсантами, что переправились к Очакову сухопутным путем»[15], добившихся принятия в русскую армию. В действительности таких людей было немного, около пятидесяти, но их число постоянно увеличивалось, несколько представителей французской знати примкнуло к ним в 1791 г. Самым ярким представителем этой блестящей плеяды был молодой герцог Ришелье. Он находился в Вене у принцев де Линей в компании графа Ланжерона, когда курьер Потемкина принес весть о приближении осады Измаила. Увлеченные идеей сразиться с турками, три молодых человека не заставили себя ждать и отправились в путь. Уже прибыв к театру военных действий, в Бендеры, они смогли встретиться с Потемкиным и с еще одним известным соотечественником — Роже де Дама. Принц де Линь воздал ему должное, оставив прекрасный портрет: «Я увидел необыкновенного человека, редкое явление: француза трех столетий. [...] Франциск I, Великий Конде и сам маршал Саксонский желали бы иметь сына, подобного ему. Он был оглушен словно муха [?] посреди частых страшных канонад; шумный, безжалостно, визгливо и громко напевавший прекраснейшие мотивы, щедрый на сумасбродные цитаты в самой гуще ружейных выстрелов, при всем том считавший все вокруг чудесным. Война не опьяняла его, но он был самым пылким в своем рвении. Он уже был дважды ранен. Француз в душе, он был русским по своей субординации и доброму поведению. Любезный, всеми любимый, тот, кого звали «веселым французом», храбрый парень, господин с отменным вкусом при французском дворе — вот каким был Роже де Дама»[16]. Что до молодого герцога Ришелье, то он сражался с неменьшим пылом во время осады и был немного оцарапан[17]. По мнению Ланжерона, успехи Ришелье, как на поле боя, так и при дворе, объясня-

---

[13] Gazette National ou le Moniteur Universel (*далее* — Moniteur). P., 1789. №127. Dimanche 27 décembre.
[14] *Waresquiel.* Le duc de Richelieu, P., 1990. P. 47.
[15] *Segur L.-Ph.* Mémoires ou Souvenirs et Anecdotes, P., 1824. T. 3. P. 107.
[16] *Crousaz-Cretet L.* Le Duc de Richelieu en Russie et en France (1766–1822). P., 1897. P. 22.
[17] *Waliszewski K.* Le roman d'une Impératrice. Catherine II de Russie. P., 1910. P. 295.

лись «пылкостью души, невыразимой жаждой славы, хорошо устроенным умом и чистотой сердца. Всем этим отличался внук маршала Ришелье. Он обладал многими качествами своего великого деда и при этом не был запятнан ни одним из его пороков...»[18]. «Монитёр» особо отмечала трех французских офицеров, упоминая даже награды, полученные ими после победы над турками: «Иностранные офицеры, что служат в качестве волонтеров в армии императрицы, получили свидетельства ее благосклонности. Мсье Ришелье был вознагражден золотой шпагой и крестом Святого Георгия 4 степени. Крест того же ордена дан мсье де Дама, Ланжерон также получил золотую шпагу»[19].

Сообщения об осаде и страшном штурме Измаила русскими войсками потрясали воображение европейского читателя. Газета многократно повторяла одни и те же сведения об этом событии, изменяя только количество жертв с обеих сторон. Первые же сообщения о штурме турецкой крепости наводили леденящий ужас: «Измаил во власти русских уже с 23 декабря; этим числом датируют взятие крепости; атака была быстрой, оборона упорной, резня ужасной; двенадцать тысяч человек, как говорят, полегли под стенами Измаила. Ожидают обстоятельных подробностей об этом важном штурме»[20]. Постепенно поступали новые подробности: «Русский курьер, что вернулся из Петербурга, принес новость, что 22 декабря турецкую крепость Измаил взяли штурмом русские войска под командованием генерала Суворова. Турки защищались с большим упорством; истребление было ужасным; из двенадцати тысяч человек гарнизона жизнь была сохранена только паше, татарскому принцу и еще четырем сотням человек, как очевидцам этого триумфа. Русские потеряли двенадцать сотен человек...»[21]. Со временем в описаниях штурма мрачные краски сгущались, а корреспондент из турецкой столицы сообщал: «Ужасный штурм Измаила заставил оцепенеть все сердца. Уверяют, что представители высшей знати империи нанесли визит к матери султана, умоляя ее сказать сыну, что он потеряет империю, если будет упорствовать в продолжении войны против неприятеля, который уже движется на Константинополь...»[22].

Но мира с нетерпением ожидали не только в Константинополе, но и в российской столице. Правда, как отмечала «Монитёр», в Петербурге это ожидание было сопряжено с появлением все новых и новых планов раздела приобретенных территорий. По мнению журналиста, «здешний двор так же любит выставлять напоказ свои успехи, как и скрывать свои потери во времена менее благополучные. Теперь появились очень подробные официальные реляции о самых важных событиях теперешней войны... Взятие Измаила — это одно из великих и ужасных действий, произошедших за долгое время. Утверждают, что турки потеряли 30 тысяч 816 человек». Автор статьи рассказывал и такую историю: «Один турок служил в русской армии. Во время знаменитого штурма Измаила он попытался спасти своего отца в море огня и убийств. Но отец сам бросился на сына, пытаясь его заколоть. Храбрый мусульманин под ударами русских солдат пал у ног сына, которого они спасли, поскольку он был их офицером»[23].

Находила на страницах газеты отражение и официальная точка зрения российского правительства на причины войны: «Утверждают, что российская императрица написала одному из своих послов следующее: «Всему свету известно, что меня невозможно обвинять в агрессии. Напротив, сама [Оттоманская] Порта объявила мне войну в тот момент, когда я к ней была менее всего готова, и,

---

[18] *Daudet E.* Histoire de l'émigration pendant la révolution française. P., 1906. P. 234.
[19] Moniteur. P., 1791. №126. Vendredi 6 mai; *Crousaz-Cretet L.* Op.cit. P. 32.
[20] Moniteur. P., 1791. №23. Dimanche 23 janvier.
[21] Moniteur. P., 1791. №26. Mercredi 26 janvier.
[22] Moniteur. P., 1791. №52. Lundi 28 février.
[23] Moniteur. P., 1791. №86. Dimanche 27 Mars.

следовательно, тогда я вовсе не могла и мечтать о новых завоеваниях. Я взяла в руки оружие только с целью справедливой обороны. Небо соблаговолило даровать мне целый ряд побед, но эти победы стоили мне финансов и крови моих подданных. Вполне справедливо, что я приняла те меры, что смогли бы обезопасить мою страну от подобных нападений в будущем. Пока Крым и Очаков (который является ключом к полуострову) оставались в руках турок, эта безопасность не могла быть основательной, и все произошедшее это доказало...»[24].

В 1791 г. в «Монитёр» все чаще звучало мнение о том, что войны с турками и шведами подорвали финансовое положение России. Рассказывая о празднествах в Петербурге, посвященных доставке трофеев с турецкого фронта, автор газетной статьи замечал: «Подсчитано, что нынешняя война стоила России более 200000 человек и [значительных] финансов»[25]. Помимо падения обменного курса рубля французская пресса констатировала осложнение отношений петербургского кабинета с европейскими кредиторами, подчеркивая, что без дополнительных субсидий невозможно вести войну на два фронта и поддерживать сразу две действующие армии и два флота[26]. Журналисты не забывали поведать читателям и о причинах скудного финансирования военной кампании. Огромный государственный долг России увеличивается по мере дальнейшего ведения войн, подчеркивала газета, за короткий срок (с 1786 г.) только государственным заемным банком роздано займов на 30 миллионов рублей, увеличилось количество бумажных денег[27]. Россия в освещении французской газеты представлялась военной державой, чьи интересы простираются далеко за пределы Европейской Турции, но финансовое положение которой далеко не блестяще.

* * *

Война России со Швецией находила достаточно фрагментарное отражение на страницах «Монитёр», поскольку ход военных действий на море и на суше освещался французскими корреспондентами очень избирательно. Как правило, о событиях на русско-шведском фронте сообщалось сухо и кратко, со ссылкой на сведения, приходившие из Стокгольма. Принимая во внимание цензуру, установленную шведским королем в отношении новостей с фронта, информация о реальном положении дел часто поступала в Париж окольными путями: из голландских или немецких газет или из дипломатической переписки[28]. Уникальной личностью, прославившейся в ходе этих военных конфликтов, был принц Шарль Нассау-Зиген[29]. Этот известный авантюрист оказался в числе первых офицеров-волонтеров, которые отправлялись в Россию с согласия Людовика XVI. Вступив на русскую службу с 1788 г., он особенно отличился в войне со Швецией в качестве командующего русским флотом, и «Монитёр» замечала, вероятно, с иронией, что он получил за свои заслуги «и шпагу, и службу из серебра»[30]. Несмотря на успехи в войнах с Турцией и Швецией, этот удивительный человек потерял интерес к службе в России и оставил ее ради поддержки эмигрантов, попав под пристальное око «Монитёр», зорко следившей за каждым его движением[31].

---

[24] Moniteur. P., 1791. №32. Mardi1 février.

[25] Moniteur. P., 1791. №34. Jeudi 3 février.

[26] Moniteur. P., 1790. №23. Samedi 23 janvier.

[27] Moniteur. P., 1790. №143. Mardi 25 Mai.

[28] *См.: Boberg S.* Kunglig krigspropaganda. Goteborg, 1967.

[29] Нассау-Зиген Шарль-Генрих-Николя, де (1745 — дата смерти неизвестна). Авантюрист и военный, сопровождал Бугенвиля в его кругосветном путешествии 1766–69 гг. В России командовал флотской эскадрой, сражался против турок и шведов. В середине 1790-х гг. поддержал принцев и закончил свою карьеру в безвестности.

[30] Moniteur. P., 1790. №290. Dimanche 17 octobre. О военной карьере Нассау-Зигена *см.* также: Moniteur. P., 1789. №112. Samedi 12 décembre; P., 1791. №202. Jeudi 21 juillet.

[31] Moniteur. P., 1791. №242. Mardi 30 août: «Принц Нассау отбыл из Петербурга в Германию. Уверяют, что первым делом он должен будет встретиться в Кобленце с принцем Конде».

Не приносившая шведам успеха война с Россией, инициатором которой являлся сам Густав III, серьезно осложнила состояние шведских финансов. Газета обращала внимание на то, что колебания денежного курса в королевстве стали причиной беспорядка на шведской бирже и недовольства коммерсантов[32]. О поражениях шведов летом 1790 г. журналисты «Монитёр» писали со ссылкой на газеты Гамбурга[33]. Зато регулярно поступавшие шведские реляции даже о самых незначительных победах над русскими публиковались практически целиком[34]. На этом фоне довольно необычным выглядело появление сразу в двух июньских номерах «Монитёр» полного текста циркулярного письма российского вице-канцлера И.А. Остермана от 12 марта 1790 г., адресованного послам России при иностранных дворах[35]. Граф Остерман разъяснял российским дипломатам официальную позицию Петербурга относительно войн с Турцией и Швецией и приводил на этот счет многочисленные исторические примеры. Удивительной была не столько сама публикация в «Монитёр», сколько отсутствие каких-либо комментариев к ней. Они появились почти через месяц. В них автор обрушился на лукавого Остермана, чьи аргументы «ложные, лукавые и иллюзорные.... не могут избежать прозорливого взгляда политиков». По мнению корреспондента: «Беспристрастные газеты в точной и верной манере уже рассказывают обо всех амбициозных проектах императрицы и распутывают цепь ее тайных и непрерывных интриг против соседей, особенно против шведов, поляков и оттоманов. Кто не знает о последних деяниях этой государыни в Швеции и об одиозных средствах, что используют ее министры, дабы посеять здесь повсеместные беспорядки и раздоры... Все призывают теперь шведского короля... решительно воспрепятствовать реализации коварных планов кабинета Петербурга»[36]. «Коварные планы» Екатерины II уже через несколько недель раскрылись: заключенное в начале августа 1790 г. Верельское мирное соглашение между Россией и Швецией лишило Турцию, продолжавшую войну с Россией, союзника[37].

По завершении русско-шведской войны французская пресса продолжала трактовать события на севере Европы в невыгодном для России свете. «Россия, — писал журналист «Монитёр», — привыкла рассматривать все государства Европы, что ее окружают, как своих вассалов, и, кажется, составила план, который заставил вспомнить шведов об их старинных правах. Она надеялась занять короля Швеции делами у него дома, тогда как сама она будет занята войной с турками»[38]. Однако с усилением опасности возникновения антифранцузской коалиции отношение революционной печати к шведскому королю также изменилось на негативное, ведь он был одним из активных сторонников создания такой коалиции и даже намеревался возглавить объединенные войска в походе против Франции. Теперь ему в Париже пророчили судьбу Карла XII, ибо, помогая эмигрантам, он рискует «найти свою Полтаву или Фридрихсхалль»[39].

Огромное количество сведений о России содержалось в статьях «Монитёр», посвященных Польше, и это было не случайно. «Польский вопрос» на протяже-

[32] Moniteur. P., 1790. №69. Mercredi 10 mars.

[33] Moniteur. P., 1790. №181. Mercredi 30 juin.

[34] Moniteur. P., 1790. №154. Jeudi 3 juin.

[35] Moniteur. P., 1790. №178. Dimanche 27 juin; №179. Lundi 28 juin.

[36] Moniteur. P., 1790. №205. Samedi 24 juillet.

[37] Обращает на себя внимание тот факт, что эти публикации относятся к периоду, предшествовавшему мирным переговорам России и Швеции в городе Верела, завершившимся подписанием мирного соглашения (3/14 августа 1790 г.). Прусский и английский кабинеты не были поставлены в известность об этих переговорах.

[38] Moniteur. P., 1791. №395. Dimanche 25 Décembre.

[39] Ibid. (Фридрихсхалль — крепость в Норвегии, при осаде которой 1 декабря 1718 был убит король Швеции Карл XII.)

нии трех десятилетий оставался одной из сложнейших проблем в русско-французских отношениях. Хотя в последние десятилетия Старого порядка происходило постепенное сближение Франции и России[40], по польскому вопросу между обеими странами еще сохранялись противоречия. Правда, французская дипломатия после заключения торгового договора с Россией в 1787 г. рекомендовала польскому королю Станиславу-Августу попытаться улучшить отношения с восточным соседом. Однако усиливавшаяся партия польских «патриотов», ощущавших ослабление поддержки со стороны Франции, обратила свои взоры на Пруссию[41].

В 1788 г. в Польше был созван сейм, названный позднее Четырехлетним. По мысли короля, сейм должен был провести реформы по укреплению государственных институтов. Принятие Конституции 3 мая 1791 г. показало принципиальную возможность проведения таких реформ. Согласно этой Конституции полностью отменялось право «либерум вето», ставившее под угрозу срыва принятие любых решений. Выборы короля отменялись, трон становился наследственным. Все привилегии шляхты, крепостное право и зависимое состояние крестьян сохранялись. Правовое положение некатолического населения не улучшилось. Это замечали и в Париже. Свобода ни касается ни крестьян, ни некатоликов, констатировала «Монитёр», «буржуа» не получили ни настоящего представительства в сейме, ни гарантий против узурпаций со стороны знати. Газета объясняла это слабостью всех сословий в Польше, кроме дворянства[42].

Реформы Четырехлетнего сейма, заключенный поляками в 1790 г. договор с Пруссией, принятие Конституции 1791 г. — все это чрезвычайно беспокоило российскую императрицу, поскольку угрожало ослаблением русского влияния в Польше. Подписанный 9 января 1792 г. Ясский мирный договор с турками обеспечил безопасность южных рубежей Российской империи и дал возможность освободить ресурсы для решения обострившейся польской проблемы. Еще осенью 1791 г. под покровительством России началось создание Тарговицкой конфедерации из числа недовольных магнатов, которые обвинили Станислава-Августа в узурпации власти, заявили об отмене Конституции 1791 г. и просили Россию выслать на подмогу войска. Силы сторонников Конституции в Польше и Литве были слишком слабы, чтобы противостоять русской армии и отрядам конфедератов. В апреле 1792 г. российские войска получили приказ Екатерины войти в Польшу. Силы Тарговицкой конфедерации при поддержке России заняли Варшаву, Конституция была отменена, «патриоты» отправлены в отставку со всех официальных должностей.

Отношения между Францией и официальными властями Польши были прерваны в октябре 1792 г. Напротив, контакты польских оппозиционеров-эмигрантов с революционными властями Франции вышли на новый уровень. Французский министр Лебрен не отказывал им в помощи, но настаивал на том, чтобы действия партии «патриотов» вписывались во внешнеполитические планы Франции, а Польша, после восстановления в прежних границах, была вновь включена в систему возрожденного «восточного барьера», наряду со Швецией и Турцией.

30 декабря 1792 г. польский эмигрант Альберт Турский выступил с длинной патетической речью перед Национальным Конвентом. Он призвал членов Конвента помочь: «Несмотря на присутствие ста тысяч варваров, которые наводняют нашу страну, алтарь свободы у нас не исчез, он не опрокинут, хотя и неустойчив. Французы! Поддержите же тот алтарь, которому вы сами верно служи-

---

[40] *См.* подробнее: *Черкасов П.П.* Двуглавый орел и королевские лилии; *Он же.* Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения 1774–1792; *Он же.* Русско-французский торговый договор 1787 г. // Россия и Франция. М., 2001. Вып. 4. С. 58.

[41] *См.*: *Grossbart J.* La politique polonaise de la Révolution française // Annales de la Révolution française. 1929. Janvier-fevrier. P. 35–38.

[42] Цит. по: *Grossbart J.* La politique polonaise... P. 47.

те». Тарговицкая конфедерация в речи польского патриота выглядела собранием не только магнатов, но и тех «патриотов», которые примкнули к ним и вынуждены были притупить «меч — истребитель деспотизма» с целью спасти свою страну от опустошения, которым ей угрожали «хищные орды», и от лукавой русской царицы[43]. Речь польского оппозиционера немедленно была опубликована в отдельной брошюре и в «Монитёр»[44].

Развитие польской темы давало французским публицистам широкую возможность выразить свое отношение к России[45]. Польша в период Французской революции, как и за двадцать лет до того для Руссо, Мабли и Рюльера, представляла собой удобный повод для высказывания суждений как о жизни во Франции, так и о жизни в огромной «деспотической» России, своеобразном антиподе «свободолюбивой» Польши.

* * *

Дипломатические новости о конфликтах России с соседями отнюдь не были в газете единственным сюжетом, относящимся к этой стране. Читатели «Монитёр» обожали подробности из жизни русского двора и последние известия о его основных действующих лицах. В газете довольно часто можно было прочитать длинные материалы о самой Екатерине, ее сыне Павле Петровиче, а в первую очередь о князе Потемкине.

О Екатерине, так расхваленной философами и так очерненной французскими дипломатами и министрами, читатель «Монитёр» узнавал немало интригующих новостей. Концепция власти Екатерины II, ее политические амбиции и бурная интимная жизнь — все это становилось достоянием общественного мнения в годы Революции. При этом «Монитёр», считавшаяся газетой серьезной, не могла ни вдаваться в детали, ни повторять общеизвестные вещи. К тому же термины, которые применяла газета по отношению к императрице, были всегда очень умеренными и осторожными до конца 1792 г.: чаще всего ее именовали «императрица» или «государыня» («cette Princesse»), но мало-помалу эти слова заменялись именем безо всяких титулов — Екатерина. Только в феврале 1793 г., после жестких мер, предпринятых русскими властями против французов, проживавших в России, что ярко символизировало поддержку монархии, тон «Монитёр» становится гораздо жестче в отношении императрицы.

Кажется, вплоть до этого момента некоторые все еще видели в ней сторонницу Просвещения и революционных идей своего времени[46]: «Великая государыня, виднейшая женщина своего века не должна мешать течению событий, делающих честь этому веку более, нежели правления великих королей»[47]. Корреспонденты «Монитёр» часто огорчались по поводу слепоты императрицы, которая так откровенно помогала эмигрантам.

Придворные новости рассказывали обо всех перемещениях царицы из Петербурга в Царское Село[48]. Особенно живо в газете интересовались ее здоровьем. Корреспонденты, опасаясь ее кончины, не забывали подчеркнуть даже малейшие

---

[43] *См.*: Archives Parlementaires. Serie 1. P., 1867–1965. V. 56. P. 68–70.

[44] *Le Sarmate A.* Adresse a la Convention Nationale // Moniteur. P., 1792. Dimanche. 30 decembre.

[45] Наиболее содержательными в этом отношении представляются памфлет Ж.-Ф. Гаррана де Кулона (1748–1816) «Политические изыскания о прежнем и современном состоянии Польши применительно к последней революции» и парламентские речи Буасси д'Англа (*Garran-Coulon J.-Ph.* Récherches politiques sur l'etat ancien et moderne de la Pologne appliquées a sa dérniere révolution. P., 1795.).

[46] Екатерина, читавшая Руссо, корреспондентка Вольтера, пригласившая Дидро к своему двору, после революции отвергла все идеи философов Просвещения. О реакции императрицы на события во Франции *см.*, например: ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 3. Д. 9. О конфискации и запрещении сочинений Вольтера (29.01–2.02.1794)

[47] Moniteur. P., 1792. №7. Samedi 7 janvier.

[48] Moniteur. P., 1790. №150. Dimanche 30 mai; 1791. №222. Mercredi 10 août; №276. Lundi 3 octobre.

слабости[49]: «Здоровье императрицы становится день ото дня все более шатким; она очень заметно ослабела, и это беспокойство доставляет больше неуверенности придворным, которые не любят великого князя и ждут надвигающихся потрясений»[50].

Великий князь Павел Петрович был очень далек от блеска и роскоши своей матери, также не разделял он и ее экспансионистских планов. Единственный раз за три первых года революции, когда корреспонденты «Монитёр» вспоминают о Павле как о персонаже второго плана (роль которого менее важна, чем роль Остермана, Голицына и, конечно, менее важна, чем роль Потемкина), относится к весне 1792 г., когда «Монитёр» публикует «Отрывок частного письма англичанина, многие годы проживающего в Петербурге, к своему другу англичанину, проживающему в Париже». В письме сделана попытка подробно описать характер и положение Павла I: «Князь во всем следует по стопам своего несчастного отца; и если сердце его супруги не будет подлинным храмом всевозможных добродетелей, его ожидает та же участь, что и Петра III... Характер князя с каждым днем становится все более угрюмым, нелюдимым и подозрительным... придворные его ненавидят. [...] Одним словом, я предвижу, что, когда он взойдет на трон, бесчисленные революции положат конец блестящему периоду Екатерины II...». Автор ошибся относительно намерений великой княгини, но он не скрывал надежды увидеть однажды на троне и детей Павла, которые, по его мнению, «не разделяли тех же чувств [что и их отец]; они, напротив, очень живо интересовались успехами Французской революции. Все, кто был связан с их образованием, — люди просвещенные...»[51].

Но перспектива однажды увидеть на российском троне Павла I многим казалась очень отдаленной, к тому же потенциальные соперники у великого князя были многочисленны. Пожалуй, самой яркой личностью на российской политической сцене рубежа 1780—1790-х годов оставался фаворит Екатерины II светлейший князь Григорий Александрович Потемкин. Один из первых биографов Екатерины — Жан-Анри Кастера[52], весьма критично отзывавшийся о ней самой и ее министрах, — все же писал о Потемкине следующее: «Невозможно отрицать, что ум, мужество и энергия, а также многие, одно за другим развернувшиеся дарования сделали его достойным места первого министра империи»[53]. «Монитёр» тоже высоко оценивала могущество и влияние князя Таврического: «Сделав князя Потемкина гетманом и почти полновластным хозяином всех казаков от самых гор Кавказа... и распространяя его власть на Бессарабию, императрица создала в некотором роде независимого монарха»[54]. Эта необычайная власть, данная князю, по-видимому, раздражала многих. Так, обсуждая гипотетическую возможность разрыва между Екатериной и ее давним сподвижником, газета писала: «Ее императорское величество должно, говорят, принять очень важное решение, когда встретится с князем Потемкиным. Фавор, столь постоянный и оправданный таким количеством успехов, питает двор завистью и ненавистью, что может иметь в свое время ужасные последствия. Характер фаворита не таков, чтобы смягчить амбиции другого (*нового фаворита. — А.М.*), с которым он никогда не жил мирно; но если нужно ожидать в этой стране потрясений, то они будут происходить, как обычно, в дворцовых стенах, а историки не пренебрегут тем, чтобы назвать эти события революцией»[55]. В ноябре 1791 г. после получения сведений, подтверждавших новость о смерти Потемкина, «Монитёр» сообщала:

---

[49] Moniteur. P., 1790. №27. Samedi 27 novembre.

[50] Ibid.

[51] Moniteur. P., 1792. №115. Mardi 24 avril.

[52] [*Castera J.*] Vie de Catherine II, impératrice de Russie. P., 1797. О Потемкине *см.* : РГАДА. Ф. 11. Д. 946 (Письма разных лиц к князю Потемкину-Таврическому).

[53] Цит. по: *Себаг-Монтефиоре С.* Потемкин. М., 2004. С. 465.

[54] Moniteur. P., 1790. №129. Dimanche 9 mai.

[55] Moniteur. P., 1791. №86. Dimanche 27 mars.

«...Князь оставил после себя огромные богатства в наличных деньгах, землях, недвижимости, и особенно в драгоценных камнях. У него была особая шкатулка, наполненная крупными бриллиантами, игра с которыми доставляла ему большое удовольствие, такое же, какое остальным доставляла игра с [обычными] жетонами. Музыканты потеряли в его лице великого покровителя.... Он обладал целой библиотекой, которая состояла вовсе не из книг, а из банковских билетов почти всех торговых наций Европы....»[56].

Именно благодаря деятельности Потемкина стало возможным подписание Ясского мирного договора с турками, заключение которого было подготовлено графом А.А. Безбородко уже после смерти князя. В январе 1792 г. поверенный в делах Франции в России Э. Жене сообщал своему министру: «Ради блага человечества я бы пожелал, чтобы Россия как можно дольше пребывала в обретенном ею спокойствии, столь необходимом для восстановления ее платежного баланса... чтобы были преодолены все беды, причиненные ей той самой победоносной войной, которую она только что завершила....»[57].

* * *

Если русские государственные деятели первого плана появлялись в «Монитёр» неизбежно, то не менее обширные материалы дает газета и о французах, что жили в России или были связаны с ней (как о поддерживавших революцию, так и о монархистах-эмигрантах). Одним из сторонников революции оказался и бывший при Сегюре секретарем посольства Эдмон Жене. Жене стал после отъезда на родину Сегюра в октябре 1789 г. главой дипломатического представительства Франции в Петербурге, хотя граф и отмечал, что его преемник «имел слишком горячую голову»[58]. Положение поверенного в делах Франции при дворе Екатерины II было довольно сложным: даже находясь вне революционной атмосферы, царившей на родине, Жене проявлял высокую активность и демонстрировал свою приверженность принципам революции, при этом он вел обширную официальную и частную переписку[59]. Они играл важную роль и в деле обеспечения Парижа информацией о политике кабинета Екатерины II, что ясно видно из инструкций, полученных им от министра иностранных дел[60]. Иногда содержание статей в «Монитёр» почти полностью совпадало с информацией, которую Жене направлял министру иностранных дел Франции[61]. Когда по Европе распространялись слухи о предстоящем присоединении Екатерины к Пильницкой декларации[62], Жене уверял свое правительство: «Я не могу поверить, чтобы соперница Монтескье и Беккариа вступила в эту Лигу Деспотизма против Свободы»[63]. Любопытно, что его сомнения относительно возможности непосредственного участия России в действиях против революции пере-

[56] Moniteur. P., 1791. №324. Dimanche 20 novembre.

[57] Цит по: *Черкасов П.П.* Екатерина II и Людовик XVI. С. 371.

[58] *Segur L.-Ph.* Mémoires ou Souvenirs et Anecdotes. P., 1824. T. 3. P. 339. О Жене *см.*: *Bouloiseau M., Edmond C.* Genet à Saint-Pétersbourg (1789–1792). Papiers conservés à la Library of Congress, Washington // Bulletin d'histoire économique et sociale de la Révolution française. P., 1968.

[59] Подробнее *см.*: *Богоявленский С.* Россия и Франция в 1789–1792 гг. // Литературное наследство. М., 1939. С. 26. *См.* также интересное замечание Сегюра о том, что иногда письма посылались именно с расчетом, что они будут перлюстрированы (Записки графа Сегюра о его пребывании в России. СПб., 1865. С. 115).

[60] *См.*: Письмо Лессара Жене 1 января 1792 г. Цит. по: *Черкасов П.П.* Указ. соч. С. 490.

[61] Ср., например, письмо Жене от 8 мая 1792 г. об арестах французов в Петербурге и статью в «Монитёр» от 6 июня 1792 г: *Черкасов П.П.* Екатерина II и Людовик XVI. С. 490; Moniteur. P., 1792. №157. Mardi 6 juin.

[62] Пильницкая декларация — соглашение о совместных действиях против Французской революции и о действиях по восстановлению Старого порядка во Франции, подписанное 27 августа 1791 г. Австрией и Пруссией в замке Пильниц.

[63] Из письма Жене министру иностранных дел Монморену 16 сентября 1791 г. Цит по: *Черкасов П.П.* Екатерина II и Людовик XVI. С. 502.

кликались с высказанной франкфуртским корреспондентом «Монитёр» столь же скептической оценкой готовности Екатерины II реально поддерживать контрреволюционную эмиграцию: «Чем более размышляют, тем более склоняются к мысли о том, что покровительство, оказываемое императрицей России французским эмигрантам, несерьезно... Россия слишком удалена от этого королевства, чтобы на самом деле допустить необоснованное предположение, будто она подготовит и направит армейский корпус с целью поддержать дело эмигрантов»[64]. Несмотря на умеренность Жене, Екатерина II не одобряла присутствия этого «бешеного демагога» в своей столице[65]. «Монитёр» сообщает 5 октября 1791, что «граф Остерман дал понять мсье Жене, поверенному в делах Франции в этой столице, что он поступит правильно, если перестанет появляться при дворе по причине сложившихся на его родине обстоятельств и подождет, пока наш двор мог бы установить с французским двором прямые отношения»[66]. Это изгнание продолжалось в течение года и прекратилось только с окончательным разрывом 27 июля 1792[67]. После отъезда Жене революционную Францию в России представляли только консулы, но и они несколько месяцев спустя прекратили выполнение своих функций[68], а с 1793 г. Россия поддерживала только официальные отношения с Бурбонами. Жене был далеко не единственным французом, испытавшим на себе ухудшение франко-русских отношений, с весны 1792 г. оказывалось большое давление на всю французскую общину в России. Большая часть французов, проживавших тогда в России (более 2000 человек), переехали сюда еще в 1760—1770[69]. «Монитёр» следила за развитием событий в России, где, по мнению корреспондентов, «применяют в отношении французов методы самые пристрастные и тиранические... нет хуже притеснений и большей лжи, чем измышляют здесь против представителей этой нации»[70]. Не стоит удивляться тому, что сообщения о скором приближении русских войск к границам Франции многим казались вполне правдоподобными.

Впрочем, судя по материалам революционной прессы, те, кто придерживался столь же трезвого взгляда на положение вещей, как и Жене, составляли меньшинство. Гораздо более распространенным было мнение о реальном участии Екатерины II в «заговоре» монархов против революции. Образ просвещенной императрицы, «ученицы философов», быстро вытеснялся новым образом — «пособницы тиранов». В данном отношении весьма показательно

[64] Moniteur. P., 1791. №344. Samedi 10 décembre.

[65] *Lariviere Ch., de.* Catherine II et la Révolution française. P., 1895. P. 89 (Lettre de Catherine II à Grimm du 1 septembre 1791).

[66] Moniteur. P., 1791. №278. Mercredi 5 octobre. *См.*: *Daudet E.* Histoire de l'émigration pendant la révolution française. P., 1906. P. 234.

[67] Moniteur. P., 1792. №270. Mercredi 26 septembre.

[68] *Rambaud A.* Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France. P., 1890. P. 563.

[69] *См.*, например: *Gerbod P.* Note statistique concernant la présence française en Russie au XIX-ème siècle // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. P., 1982. An. XXIII. №1; *Gerbod P.* D'une Révolution à l'autre: les Français en Russie de 1789 à 1917 // Revue des Etudes Slaves. P., 1985. An. LVII. №4; *Mezin A., Rzeuckij V.* Projet d'un dictionnaire des Français en Russie au XVIIIème siècle // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. P., 2002. An. XLIII. №2/3 ; *Rzeuckij V.* La colonie francophone de Moscou sous le règne de Catherine II // Revue des Etudes Slaves P., 1996. An. LXVIII. №4; *Idem.* Les Français de la Volga: la politique migratoire russe des années 1760 et la formation des communautés francophones à Saint-Pétersbourg et à Moscou // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. P., 1998. An. XXXIX. №3.

[70] Странным образом имена троих французов (Миоша, Дорбейля и Аже), подвергнутых преследованиям в России, — это те же самые имена, которые упоминает майор Ш-Ф. Массон в своих «Секретных записках о России», хотя жертвами ужесточения политики русского кабинета по отношению к революции стало гораздо большее число французов. *См.*: Moniteur. P., 1792. №148. Dimanche 27 mai; *Массон Ш.* Секретные записки о России. М., 1996. Нельзя исключать вероятности того, что и сам Массон был связан с поставкой новостей из Петербурга во Францию.

опубликованное в «Монитёр» письмо Вольнея к Гримму от 4 декабря 1791 г. Тремя годами ранее Константен Шассебеф граф де Вольней получил от императрицы золотую медаль за свой труд «Размышления о нынешней войне с турками». В этой книге он принял сторону русской императрицы, чем шокировал свое правительство, желавшее сохранить нейтралитет, и еще более удивил французское общественное мнение, склонное поддерживать турок[71]. Теперь Вольней демонстративно отказывался от награды: «Как я могу терпеть то, что мое имя оказалось занесенным в тот же список, что и имена грабителей Франции? Конечно, императрица ошибается; безусловно, правительница, которая показала нам пример сотрудничества с философами в составлении кодекса законов, правительница, которая признала в качестве основы этих законов равенство и свободу; эта государыня в своем правлении беспрестанно устремлена к уничтожению знати и феодальных порядков; она освободила своих рабов, но не смогла сделать того же и для рабов своих бояр.... Соблаговолите возвратить императрице подарок, которым я не могу более гордиться: соблаговолите ей передать, что, если бы я получил ее уважение, **я бы и от него отказался, дабы его сохранить** (*в глазах сограждан.* — **А.М.**)...»[72]. Несмотря на то, что у письма был один адресат — Гримм, Вольней стремился сделать свои мысли достоянием самой широкой аудитории, почему его письмо и оказалось на первой полосе «Монитёр». Характерно, что в том же самом номере, словно в подтверждение слов Вольнея, было опубликовано и письмо Екатерины II к маршалу де Брольи, где она заверяла всех в своей приверженности великому делу монархии: «Поддерживая дело всех королей на примере вашей монархии, я отдаю должное и тому положению, что я сама занимаю на земле; я испытываю только чистый мотив искренней и бескорыстной дружбы к принцам, братьям короля, и желание служить постоянной опорой всякому верному и покорному слуге вашего суверена....»[73].

Прокламация Екатерины II от 2 февраля 1792, напечатанная в « Монитёр», ни у кого не оставляла более сомнений о характере ее отношения к Революции. Она предостерегает своих подданных от увлечения революционными идеями: «О мои добрые и верные подданные!.. Не поддавайтесь речам лжецов, не приносите столетие трудов, отдыха и счастья в жертву коварным и лживым идеям...»[74]. С началом войны тема возможной помощи Екатерины эмигрантам и антифранцузской коалиции муссируется «Монитёр» еще более активно. Так, сообщалось, что «Мсье де Полиньяк получил от императрицы России позволение командовать русским корпусом и вести его к Рейну»[75]. Несколько позже писали, что Россия обещает «помощь французским принцам в виде 20000 человек русских и татар; их переправят так быстро, как только это позволит сделать погода. Эмигранты лучатся радостью и довольством, ожидая этих ужасных воинов с таким же нетерпением, с каким бедные иудеи ожидают своего Мессию»[76]. В июле 1792 г. «Монитёр» привела письмо из Петербурга, в котором утверждалось, что 15000 русских после наведения порядка в Польше двинутся во Францию, дабы помочь делу контрреволюции. Там же было опубликовано «Сообщение относительно вооружения России, извлеченное из официальных депеш поверенного в делах Франции в Петербурге, присланных Национальному собранию», где со ссылкой на Жене сообщалось об активных военных при-

[71] *Chasseboeuf C.F., de, comte Volney.* Considérations sur la guerre des Turks et des Russes en 1788 // Œuvres. P., 1998. T. 3.
[72] Moniteur. P., 1791. №339. Lundi 5 Décembre.
[73] Ibid.
[74] Moniteur. P., 1792. №66. Mardi 6 mars.
[75] Moniteur. P., 1792. №68. Jeudi 8 mars.
[76] Moniteur. P., 1792. №115. Mardi 24 avril.

готовлениях России, в частности о состоянии русского флота в Архангельске, Кронштадте и Ревеле[77].

«Монитёр» внимательно следила за передвижениями известных французских эмигрантов, которые выполняли посреднические функции между Екатериной и принцами: «Нассау, Ришелье и Сомбрей, совершив поездки в Вену и в Берлин, находятся теперь в Петербурге»[78]. Чтобы помочь делу монархии, императрица без колебаний развязала узелок на своем денежном мешке: «государыня отпустила принцам мандат на два миллиона рублей и кредитное письмо»[79], писала «Монитёр». Это отражало степень недовольства императрицы событиями во Франции, но несколько преувеличивало степень ее щедрости[80]. Весной 1793 г. она передает графу Артуа, во время его визита в Петербург, еще 300000 рублей. Но Екатерина была очень раздражена позже, поскольку сочла, что дарованные ею средства были потрачены неправильно, так как они не послужили изгнанию революционеров из Франции[81]. Императрица старалась самыми разнообразными способами поддержать принцев, что особенно заметно в 1792–93 гг. Нужно также отметить и горячий прием, оказанный в Петербурге эмигрантам, в первую очередь французской знати, а также монахам и католическим священникам[82], что подтверждало в глазах общества приверженность государыни религиозной терпимости.

Однако это увлечение французами было непродолжительным. Легкомыслие одних и претензии других отдаляли постепенно императрицу. Французские военные не принимались более в русскую армию, редкими были случаи, когда кто-то получал особое расположение царицы. Интересы принцев должен был представлять новый французский дипломатический представитель в Петербурге — граф Валентин Эстергази[83]. Несмотря на трудности в самом начале, когда он еще вынужден был соперничать с другими претендентами на эту роль (Бомбелем, Сен-При и Шуазелем-Гуффье)[84], он превзошел их тем, что смог понравиться Екатерине, Зубову и великокняжеской чете. Эстергази занял то место при дворе, к которому стремился, а Ланжерон замечал: «он был вхож в самый близкий круг императрицы, проводил с ней все зимние вечера в Эрмитаже, был рядом с ней во всех малых поездках летом и одним из постоянных придворных в Царском Селе»[85]. В качестве знака особого расположения Эстергази получил земли и крестьян из огромного польского «резерва»[86]. Быстрый успех Эстергази замечала и «Монитёр», детально освещавшая шаги официального представителя эмигрантов[87]. Екатерина признала его послом Франции во время визита графа Артуа весной 1793, к великому разочарованию барона де Бомбеля. Правда, увлечение Екатерины носило не только дипломатический характер. В письме Гримму она позднее признавалась, что Эстергази «мой добрый друг, и я никогда не была столь счастлива, как в те мгновения, когда он рядом со мной»[88].

---

[77] Moniteur. P., 1792. №211. Dimanche 29 Juillet.

[78] Moniteur. P., 1792. №73. Mardi 13 mars.

[79] Moniteur. P., 1791. №283. Lundi 10 octobre.

[80] Екатерина на самом деле отпускала на поддержку эмигрантов огромные суммы. Например, в декабре 1792 г. герцог Ришелье получил 1676249 ливров 7 су 8 денье, что примерно соответствовало 250000 рублей. (АВПРИ. Ф. 6. Оп. 2. Бурбоны. Ч. 4. 1794. Copie d'une lettre du duc de Sérent au comte d'Esterhazy, de Hamm, du 12.04.1794. Feuillet 265).

[81] АВПРИ. Ф. 6. Оп. 2. Бурбоны. Ч. 4. 1794. Copie d'une lettre du comte d'Esterhazy au duc de Sérent, à Hamm, du 28.04/9.05.1794. Feuillet 221.

[82] Moniteur. P., 1792. №101. Mardi 10 avril.

[83] *Esterhazy V., de* Mémoires. P., 1905; *Idem.* De Lettres à sa femme. P., 1907.

[84] Bombelles de Journal. P., 1998. T. 3–4; Correspondance du Mis et de la Mise de Raignecourt avec le Marquis et la Marquise de Bombelles pendant l'émigration, 1790–1800. P., 1802.

[85] *Lariviere Ch., de.* Catherine II et la Révolution française. P., 1895. P. 90.

[86] *Haumant E.* La culture française en Russie (1700–1900). P., 1910. P. 187.

[87] Moniteur. P., 1791. №310. Dimanche 6 novembre.

[88] *Lariviere Ch., de.* Catherine II et la Révolution française. P. 90.

* * *

Окончательный разрыв дипломатических отношений между Россией и революционной Францией в июле 1792 г. оказал заметное влияние на французское общественное мнение. Взгляды французов с каждым новым известием о действиях антифранцузской коалиции вновь и вновь обращались к Петербургу: именно Екатерина II считалась ее активной вдохновительницей. И хотя слабеющий свет «русского миража» эпохи Просвещения еще находил время от времени отражение в публицистике революционной эпохи, а некоторые авторы продолжали считать Екатерину II преемницей и продолжательницей планов Петра I[89], образ далекой империи, поднятой до высот цивилизации «Семирамидой Севера», бесповоротно терял былую привлекательность в глазах общественного мнения Франции. Шарль Массон, один из осведомленных французских мемуаристов рубежа XVIII–XIX вв., свидетельствует: «Французская революция, столь прискорбная для королей, оказалась особенно пагубной для Екатерины. Потоки света, внезапно хлынувшие из сердца Франции, как лава из огнедышащего кратера, бросили на Россию ослепительно яркий, подобный молнии луч. И там, где прежде видели лишь величие, славу и добродетель, глазам всех предстали несправедливость, преступление и кровь...»[90].

Summary

La rubrique «Politique étrangère» du Moniteur universel fondé par Panckouke en 1789, présente un tableau détaillé de la situation internationale et les nouvelles étrangères pendant les premières années de la Révolution française, de 1789 à 1792. Durant cette période, la vision de l'Empire Russe évolue et suscite un intense débat idéologique. Les monarchistes, en réactivant le « mirage russe » des Lumières, développent des thèses favorables à «l'autocratie éclairée», tandis que les tenants des idées républicaines portent sur la Russie des jugements sévères. Le Moniteur révèle fréquemment les inquiétudes provoquées par la soif d'expansion territoriale de la Russie et ses succès diplomatiques pendant deux guerres éprouvantes contre l'Empire Ottoman et contre la Suède. L'entrée de la Russie dans la coalition contre la France républicaine ne fait qu'accroître l'indignation des correspondants contre la tsarine. Une nouvelle image de la Russie se dessine: puissance militaire écrasante et menaçante, gouvernement autocratique et jaloux de ses privilèges, soutien financier des émigrés français. Les correspondants ne font qu'espérer qu'une Révolution changera la destinée de la Russie, mais sans trop d'illusions.

[89] *См.*, например: [*Chantreau P.-N.*] Voyage philosophique, politique et litteraire, fait en Russie pendant les années 1788 et 1789 / Par le citoyen Chantreau trad. du hollandais, avec une augmentation considérable. P., 1794. T. 1. P. 279.

[90] *Массон Ш.* Секретные записки о России. С. 48.